

Михаил Николаевич Алексеев, недавно отметивший свое 85-летие, не нуждается в особом представлении. Он – из плеяды мастеров первого ряда, фундаторов русской советской литературы второй половины XX века, готовивших ей мировое признание и славу. А главным для него была любовь самого читающего в этом мире народа.

Мы от души поздравляем классика, с прекрасным юбилеем, желаем ему всего самого светлого в жизни и – многая, многая лета!

Читателям «Сибирских огней» будет, наверное, по-особому интересен публикуемый ниже отрывок из автобиографической повести старейшего нашего автора.

Редакция

Михаил Алексеев

«Солдаты» в путь!

Множество раз в разное время и разные люди, в основном издатели, просили меня написать автобиографию. Множество раз пытался это сделать, но всегда получалось что-то не то. Гораздо позже понял, почему. Я пытался поведать о себе в привычном, анкетном, что ли, смысле, вынося за скобки написанные мною книги, из экономии места отстраняясь от них. И выходило скучно, пресно, невыносимо занудно. И лишь в самом конце восьмидесятых годов мне пришлось — и то по крайней необходимости — вспомнить, что если у тебя, писателя, есть своя судьба, есть она и у книги, вышедшей из-под твоего пера. Её-то и нужно назвать биографией, совершенно естественно необходимо составляющей часть, и притом, может быть, главную часть твоей Автобиографии. Тогда же мне подумалось: а что, если написать биографию не автора, а его произведений? Не расскажет ли она больше и интереснее о своем создателе? И более того: не даст ли она возможность точнее и острее ощутить время, в какое это произведение рождалось и явилось на свет Божий? Ведь нередко такое рождение сопровождается весьма драматическими обстоятельствами, о коих знают лишь автор и очень узкий круг людей, связанных с изданием той или иной вещи. В этом случае следует, пожалуй, начать с биографии моего первенца — романа «Солдаты»: в прошлом, 2002 году, ему исполнилось 50 лет со дня появления на свет, то есть на ваш суд, дорогие мои читатели. А до этой, так сказать, юбилейной даты, «Солдаты» издавались множество раз на многих языках как в нашей стране, так и за рубежом. Этим романом открывались все, без исключения, мои собрания сочинений в шести и восьми томах, а также избранное в одном, двух и трех томах. Именно эта книга вывела меня, кажется, на самую тернистую и ухабистую из всех возможных дорог, имя которой — Литература. Когда же, однако, и с чего началось для меня все это?

Все произошло в мае 1945 года. Война кончилась, и наша дивизия находилась какое-то время на рубеже, занятом ею 9 мая в центре Европы Солдаты отдыхали. Отдыхали и мы, сотрудники армейской газеты «За Родину». Но что же делать, если на сердце поселилась жгучая потребность рассказать о фронтовых друзьях-товарищах, обо всем, что видано и пережито в тяжкие четыре года войны? Может быть, поступить так — вообразить себе, что рядом с тобой сидит близкий тебе человек, и ты, не торопясь, рассказываешь ему все, как было: без утайки, без прикрас, очень просто, как любят говорить ныне — доверительно.

Через месяц показал десятка три страниц единственному оставшемуся в нашей редакции члену Союза писателей Виктору Александровичу Старикову. Часа через два он сам не пришел да же, а вбежал в мой кабинет, и объявил с оттенком удивленной растерянности в голосе:

— Послушай, да это же куски настоящей прозы! По реакции В.А. Старикова я сообразил, что подкупил его сущим пустяком — простым, естественным, безыскусным изложением событий. И все-таки временами задумывался: а правильно ли это? И не удержался, отдал-таки дань литературным завитушкам — их можно было легко обнаружить в первоначальном тексте рукописи и в особенности в первом названии романа — «Млечный Путь». Завитушки эти сейчас же обнаружила Лидия Сейфуллина, когда решался вопрос о

приеме меня в Союз писателей СССР в конце ноября 1951 года. К тому времени я был уже отозван из Вены в Москву и работал в Военном издательстве. Вел заседание Секретариата Союза его генеральный секретарь Александр Александрович Фадеев. И поскольку моя фамилия начиналась с буквы «а», с меня всё и началось. Открыв заседание, А.Фадеев предложил принять меня сразу, минуя предусмотренный уставом кандидатский срок, в члены Союза. Первой взбунтовалась сидящая в первом ряду маленькая-премаленькая старушка. На белой, седой ее голове были, казалось, одни огромные черные глазищи, которые еще более расширились в страшном гневе.

— Саша! — кричала она, обратившись к председательствующему. — Ты с ума сошел. Кого ты предлагаешь принять в члены без кандидатского стажа?! — И обратившись уже ко всем другим членам секретариата Союза, продолжала: — Посмотрите, люди добрые, что он делает, этот молодой человек, — (это она уже обо мне). При этом она судорожно листала страницы опубликованного в журнале романа «Солдаты» и, найдя, что было ей нужно, громко читала: «Уранов медленно тянул из своей головы непрочные нити обрывочных нитей...» Каково! Не голова у того Уранова, а какая-то, простите, вьюшка! Нет, нет, если и принимать Алексева, то разве лишь кандидатом!

В Дубовом зале Дома литераторов, где происходило заседание, захохотали, и больше всего, ядренее всех, как мне казалось, хохотал Фадеев, да еще и попросил:

— Лидочка, а ну-ка еще раз прочтите то место. Лидочка с радостью исполнила его просьбу. Маститые писатели еще громче засмеялись, а с ними вместе и Фадеев.

Сердце мое куда-то убежало далеко вниз, может быть, в пятки.

Я решил, что меня после всего этого не то что в члены, но и в кандидаты-то не примут.

А Фадеев, продолжая похохатывать, вытирая платком ослезившиеся от смеха глаза, заметил:

— Вьюшка, значит?.. Лидочка, если заглянуть в наши с тобой первые вещи, мы там этих вьюшек отыщем еще больше... Я предлагаю принять Михаила Алексева не в кандидаты, а в члены Союза писателей. С таким предложением обратилось к нам и Всесоюзное совещание молодых литераторов, прошедшее нынешней весной. С такою же просьбой обратился к нам Василий Семенович Гроссман, один из руководителей совещания. Он и Марк Колосов написали еще и свои собственные рекомендации, высоко оценив роман Михаила Алексева. Мне известно также, что роман «Солдаты» выдвинут на соискание Сталинской премии. Получивши ее, Алексей, так уж и быть уберет из книги эту несчастную вьюшку, на которую ты почему-то так обиделась, Лидочка! — сказав это, Фадеев повторил свое предложение.

За принятие меня прямо в члены Союза писателей проголосовали единогласно. При этом Фадеев радостно возгласил:

— Лидочка, и ты — за? Вот умница! Осознала все-таки.

Зал дружески еще раз посмеялся. Сейчас — уже над Лидией Сейфуллиной, замечательной писательницей, несомненным классиком, одним из основателей великой советской литературы. Ее «Виринея» стоит в первом ряду лучших созданий в художественной летописи нашей страны.

Часом позже я вышел на улицу Воровского и увидел там Сейфуллину, стоявшую в очереди к автобусу. Я неожиданно для себя осмелился, взял ее за руку и подвел к дверце. Затем взял старую под мышки и легко, не чувствуя совершенно ее веса, поднял прямо в автобус. Больше почему-то я ее ни разу не встречал.

Что касается А.А. Фадеева, то кто из литераторов из моего, и даже более старшего поколения, не успел погреться от его сердца?! Тоже покойный теперь Савва Елизарович Кожевников, главный редактор «Сибирских огней» в пору, когда в этом журнале неожиданно для многих появились мои «Солдаты», рассказал мне следующее.

В середине марта 1951 года в его новосибирской квартире в глухую полночь раздался телефонный звонок. Звонил А.А. Фадеев!

— Послушай, Савва!.. Ты жаловался мне, что у тебя нет стоящих рукописей. Посылаю тебе одну. Посмотри.

Во втором номере «Сибирских огней», помеченном мартом-апрелем (журнал выходил один раз в два месяца), и был напечатан роман «Солдаты» — оперативность прямо-таки умопомрачительная! Рукопись же могла оказаться в руках А. Фадеева, когда он готовился к докладу на 2-м Всесоюзном совещании молодых литераторов, участником коего я был. Доклад этот, к сожалению, не был произнесен — помешала болезнь Александра Александровича. Но вот, как видите, к моей большой радости, он не забыл о рукописи, которой я только и мог быть представлен на упомянутом совещании. Рука большого художника, Человека оказалась для меня и моего первого литературного детища очень легкой. Вслед за журналом «Сибирские огни» роман «Солдаты» был издан почти одновременно «Молодой гвардией» и «Воениздатом», а также миллионным тиражом в «Роман-газете», в том же, 1952-м году, был выдвинут несколькими организациями на соискание Сталинской премии, и я получил бы ее, если б не случилось того, что случилось.

Вечером, накануне того дня, когда в «Правде» и других центральных газетах готовилось к опубликованию постановление Правительства относительно премий, ко мне, в мою московскую десятиметровую квартиру на Октябрьском поле, нагрянула целая ватага дюжих ребят из фотохроники ТАСС, которые сейчас же принялись перемещать меня из угла в угол и обстреливать из множества камер. Наконец, нащелкались вдосталь и всей гурьбой подошли к столу, на котором оказались две бутылки водки и какая-то закуска, поставленные догадливой молодой хозяйкой. Все это было непостижимо быстро выпито и съедено, мастера из фотохроники забрали свое хозяйство, и уже за дверью кто-то из них, наверное, старший, громко выкрикнул:

— Утром вынимайте из почтового ящика «Правду»! Вам — Третью степень. Поздравляем!

Я, кажется, первым из всего нашего шестиэтажного дома, ни свет — ни заря оказался на улице у своего подъезда, ожидая почтальона. Ожидание было мучительно долгим для меня. И бедняга почтальон шарахнулся от меня, как от сумасшедшего, когда я кинулся на него и выхватил прямо из его рук свеженькую «Правду». И сейчас же увидел на первой странице список новых лауреатов. Пробежался по нему глазами сначала сверху вниз, затем снизу вверх. Увы, меня в списке не было. А я-то в нем был! И находился там до самого раннего утра, а потом чья-то рука убрала его оттуда. И она, эта рука, должна была принадлежать всесильному.

Так оно и случилось.

Как известно, рабочий день у И.В. Сталина начинался где-то в полдень, а заканчивался на рассвете уже следующего дня. И вот в промежутке нынешнего и завтрашнего дней Сталин получил телеграмму из Крыма от Сергеева-Ценского с настоятельной просьбой присудить Сталинскую премию писателю Евгению Ефимовичу Поповкину за роман «Семья Рубанюк». Классик мотивировал свою просьбу тем, что и книга, о которой идет речь, талантлива, а главным образом тем, что Евгений сейчас, живя и работая в Крыму, много делает для возрождения культуры в пострадавшем от вражеского нашествия крае. И.В. Сталин попытался вызвать Николая Тихонова, председателя Комитета по Сталинским премиям, но того в Москве не было. Зато на месте оказался Константин Симонов, заместитель Тихонова. Тот быстро оказался и в сталинском кабинете. Вождь изложил Симонову суть дела, сказав при этом:

— Можно было бы прибавить к списку еще одного человека, но он и без того оказался длинным. Но и отказать академику не могу. Я, конечно, знаю, что все, оказавшиеся в этом списке, уже знают обо всем. И все-таки, товарищ Симонов, одного придется убрать. И сделать это надо менее болезненно для того, кого это коснется. Подумайте, товарищ Симонов.

И тут, на мою беду, Константин Михайлович вспомнил, что в «Литературной газете», которую он на то время редактировал, была опубликована большая статья Семена Гудзенко